

ДАВНО мы не были в Николаеве — 25 лет. За это время наш театр гастролировал в Сибири, на Урале, в прекрасных волжских городах, в Прибалтике, Средней Азии, на европейском, Севере России, даже за долларным кругом — в Нагасаки. А вот в Николаеве городе, очень родственном Ленинграду и мне, бывшему корабелю, мы не были — легко сказать — четверть века! За эти годы сильно изменилась труппа, репертуар, а следовательно, и сам театр стал другим, ибо любой театральный организм, если он хочет сохранить свое предназначение, жив связью со своим временем.

Это вовсе не значит, что нынешний театр Ленсовета не помнит корней, на которых он вырос, утратил свои плодотворные традиции. Коллектив наш свято чтит в своей памяти имена основателей театра И. М. Прокля и Б. М. Сушкевича, прекрасных режиссеров, работавших у нас в 40—50-е годы, Б. В. Зона, П. К. Вейсфельд, И. П. Акишова, замечательных артистов старшего поколения, уже ушедших из жизни: О. З. Каганца, Г. А. Амчиды, Ю. Т. Бубеникова. Одна из лучших традиций нашего театра — а ему без малого 80 лет — ежегодный поиск современного, животрепещущего репертуара. Нас увлекает острая актуальная проблематика в тех случаях, когда драматург требует от театра прямого, нелицеприятного и, вместе с тем, достоверного разговора со зрителем.

Для того, чтобы такой разговор состоялся, театр в свою очередь предъявляет автору, с которым вступает в творческий союз, ряд непрелюстных условий, главным из которых я бы назвал наличие у него чувства эстетической правды именно нашего театра. Когда такое взаимопроникновенное между театром и драматургом происходит, возникает спектакль, возводящий добрую репутацию и театру, и автору. Так произошло у нас в свое время с И. Дворецким, когда мы первыми в стране пошли на риск и в начале 70-х годов поставили две его жесткие «производственные» пьесы, как сейчас их называют, пьесы. Для нас тогда это «Человек со стороны», и «Новая жизнь на окраине». В эту пору уже укладывались — это были прозаические — о жизни с вами физиками, дружки столбовняков и очень важных, призрачных и кофидантных нравственных в первую очередь. С тех пор так и повелось: «важные» векам нашей жизни обуславливают планы И. Дворецкого.

XXV съезд партии дал повод «Человек со стороны» породившему столько вопросов и дискуссий подража-

театра в 1973 г. ознаменовалось появлением спектакля «Новая жизнь на окраине». А XXVI съезду партии мы представили постановку новой пьесы И. Дворецкого «Последний отен». Пьеса эта много пошла на предшествующие публицистические пьесы драматурга — она была пьесой, состоявшейся из двух выходящих в свету важнейших посланий, очень дорогих нам своей возмужавшей духовностью, неразрешенными нравственными проблемами «Последний отен» — спектакль с еще не установленной оценоческой судьбой, сравнительно недавно состоялся его премьера в Ленинграде. На гастроли мы этот спектакль вывозим первый раз и очень волнуемся.

Пятый год живет в нашем репертуаре публицистическая драма Г. Боровина «Интервью в Буэнос-Айресе». Спектакль по-прежнему актуален, потому что в мире то и дело всплывают очертания кровавых военных переворотов, результатом которых нет-нет да и становится приход к власти неофашизма под разными наименованиями. Наш спектакль — о пагубности позиции так называемого нейтралитета, о близорукости либеральной интеллигенции, пытающейся остаться «над схваткой», о трагической судьбе таких людей перед историей, народом, самим собой.

Для меня лично роль Карлоса Бланко стала некоей вехой в творческой биографии, в этой роли я после двадцатилетнего перерыва позволил себе вернуться на сценические подмостки. Для главного режиссера театра такой поступок сопряжен с немалым риском. Но я продолжал рисковать в этой роли уже пять лет и за это время нарушил обет еще дважды — сыграл Отца в пьесе А. Соколовой «Эльдорадо» и Гаева в «Видневном саду».

Признаюсь, что быть артистом — это собственник спектакля — испытание чрезвычайное. И поэтому я позволяю себе выходить на сцену редко, хотя, чем старше становишься, тем больше обязанностей лежит рядом встает в целом вообразимый. И, для, уже мечты... Сегодня же передо мной, главным режиссером театра, названо почетное почетное звание «Академический», совсем реально — не в мечтах — отнюдь куда более трудные проблемы: как сочетать в одном лице (а театр в моем представлении очень похож на человека; у него есть возраст, у него должно быть сердце, на на ково не покоем лицо, он должен быть всегда в хорошей форме — утруждать, хромать, подвизаться — мало ли что нужно человеку!). Так вот, как сочетать в одном лице необходимую

К гастроллям Академического театра имени Ленсовета

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ 25 ЛЕТ

для академика глубину с молодостью и озорством нашей труппы, вернее, как сохранять эту молодость и не уронить при этом, достоинства позетного ранга. Социальность — вопрос не из простых и далеко не всем на него удается ответить. Весь минувший сезон мы этот вопрос для себя решили и пришли к довольно парадоксальному выводу: нам не нужно изменять своим начетленным принципам. В театре эти принципы

Во-первых, мы всегда, в каждом спектакле стремимся ответить четко на вопрос: кто (что) мы любим, кого (что) — ненавидим? Во-вторых, вход на сцену нашего театра людям, утратившим или вовсе не имеющим чувства юмора, строго воспрещается. В-третьих, театр по своей природе — самое

в своем репертуаре используем все жанры — от трагедии до комедии.

Из пятнадцати спектаклей нашего гастрольного репертуара восемь созданы по произведениям советских драматургов, многие из них получили рождение на нашей сцене: и «Спятте сделать добро» М. Рошина, и «Эльдорадо» А. Соколовой, и «Последний отен» И. Дворецкого, и «Дульсьиня Тобоская» А. Володина в нашей музыкальной редакции. Есть в нашем репертуаре произведения, совсем не тиражированные другими театрами, т. к. они по своей конструкции и замыслу возможны только в нашем коллективе — «Люди и страсти», например.

В мировой драматургии произведения с таким названием нет, если не считать ранней южешской драмы Лермонтова — мы же так назвали свой спектакль-концерт, созданный из фрагментов произведений классиков немецкой драматургии — от К. Гюцкова и В. Гете до Б. Брехта. В этом спектакле лирико- философскую функцию выполняют стихи Г. Гейне, положенные на музыку композитором Г. Гладковым. В комедии У. Шекспира «Укрощение строптивой» тот же Гладков сочинил музыку не только на тексты самого Шекспира, но и на стихи известных ленинградских комедиографов Б. Рацера и В. Константинова.

Спектакль идет с успехом уже много лет, и столько же лет мы то и дело слышим укоряженный упрек в некоем докучестве: ах, как можно и Шекспиру присоединять сомнительные песни на стихи постоянных сотрудников журнала «Промодил»? Те же упреки мы в избытке выслушали по поводу соединения хрупкой ткани пьесы А. Володина с теми же авторами стихов и песен в «Дульсьиня Тобоская». Было время, когда эти споры и сегования нас задевали, но с тех пор, как даже Центральное телевидение использовало нашу версию «Дульсьиня Тобоской» (без нашего согласия), мы несколько успокоились.

И еще одна особенность нашего театра. Труппа его, в основном, состоит из молодежи. Так уж сложилось, что вместе со мной в начале 60-х годов пришел в театр имени Ленсовета совсем молодой тогда А. Фейндлих, Л. Дьячков, Д. Барков, А. Равинович — теперь им немногим более сорока, и они составляют ведущее ядро труппы. И нам следует присоединять артистов Л. Мираласа, Е. Намешиного, Г. Никулину, Л. Леонову, А. Розанова, В. Улья, И. Замотич и двух старейших наших артистов Ц. Файн и М. Деянтинна. Следом за этим поколением, которое весьма условно можно назвать старшим, идут артисты следующего призыва

— их представляют С. Заморев, А. Пузырев, М. Боярский.

А с 1970 г. я начал учить будущих артистов нашего театра сам. Так у нас появились выпускники двух моих курсов, воспитанные в эстетических законах нашего коллектива, т. к. овладели профессиональ мой студенты непосредственно в стенах театра. Многие из них играют весьма ответственные роли: Лариса Луппан, Татьяна Лякова, Лидия Мельникова, Сергей Митичко, Ильгиз Булгаков, Олег Левakov и их еще более младшие товарищи — Евгений Баранов, Евгений Филатов, Татьяна Голодцова.

Я хотел бы назвать всех артистов нашего театра, но лучше будет, если, познакомившись с ними во время гастролей, зрители Николаева вспомнят сами их имена. Могу лишь добавить, что проблемы смены поколений в нашем театре нет — молодые естественно соединяются с мастерами, учатся у них, становятся «своими» по группе поколов.

Чем больше я учу молодых, тем тверже убеждаюсь: чем раньше молодой человек ощутил свое призвание к театру, тем лучше. Самая молодая актриса нашего театра Ирина Мазуревич окончила Горьковское театральное училище и в восемнадцатилетнем возрасте актерскую биографию. Сейчас Ирине двадцать два года, а ей уже по плечу серьезные творческие задачи. Многие, конечно, зависят в раннем профессиональном становлении от самих молодых: насколько они серьезны, вдумчивы сосредоточены, насколько интересны их духовный мир.

Многое зависит и от театра, который становится или не становится питательной средой для роста молодежи. Я убежден, что в театре как в спорте, побеждает сильнейший. Под силой я подразумеваю прежде всего силу духа, т. е. умение упорно бороться с дарованием, отпущенным природой, — для этого, как, сказал поэт «душа обязана трудиться».

Мне кажется, что для первого разговора с николаевскими зрителями я сказал достаточно. Остальное «до скажут» наши спектакли.

Игорь ВЛАДИМИРОВ, народный артист СССР, главный режиссер Ленинградского государственного академического театра имени Ленсовета.

На снимках: сцены из спектакля «Интервью в Буэнос-Айресе. Бол — А. Ю. Равинович, Рита — Г. И. Никулина, Карлос Бланко — И. П. Владимиров; сцена из спектакля «Видневный сад». Лопухин — Л. Н. Дьячков, Равенская — А. Б. Фейндлих.

Фото В. Васильева.